

В. М. Алпатов

ВОЛОШИНОВ, БАХТИН И ЛИНГВИСТИКА

© Языки славянских культур. Электронная версия книги. 2007

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР
МОСКВА 2005

ББК 81
А 45

Издание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект 04-04-16036

А 45 **Алпатов В. М.**

Волошинов, Бахтин и лингвистика – М.: Языки славянских культур, 2005. – 432 с. – (Studia philologica).

ISSN 1726-135X
ISBN 5-9551-0074-1

Книга посвящена изучению лингвистических идей, содержащихся в трудах выдающихся отечественных ученых XX в. Михаила Михайловича Бахтина и Валентина Николаевича Волошинова, прежде всего получившей мировую известность книге «Марксизм и философия языка» (1929). Рассматривается место книги и примыкающих к ней статей в мировой науке о языке того времени, ее отношение к ведущим в те годы школам и направлениям мировой и отечественной лингвистики.

Подробно исследуются полемика авторов книги с концепциями Ф. де Соссюра и К. Фосслера и их собственная теоретическая концепция языка и высказывания. Особо рассмотрен вопрос о роли марксизма в языкознании. Изучены история написания книги и примыкающих к ней статей, их оценки современниками. Исследованы также более поздние работы М. М. Бахтина 30—60-х гг., изучены их сходства и различия с книгой «Марксизм и философия языка», рассмотрены предложенные Бахтиным концепции стратификации языка, речевых жанров, диалога. В последней главе определяется значение идей В. Н. Волошинова и М. М. Бахтина для современной науки, рассмотрены идеи некоторых ученых, в той или иной степени продолжающих заложенную ими традицию.

ББК 81

Владимир Михайлович Алпатов
ВОЛОШИНОВ, БАХТИН И ЛИНГВИСТИКА
Издатель А. Кошелев

Оригинал-макет изготовлен Л. Гоготовой

Корректоры О. Заикина, Е. Зувеская
Художественное оформление переплета С. Жигалкина и Ю. Саевича

Художник-консультант Л. М. Панфилова

Подписано в печать 31.01.2005. Формат 60x90^{1/16}.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная. Усл. печ. л. 27. Тираж 1500. Заказ №

Издательство «Языки славянских культур». № госрегистрации 1037789030641.
Phone: 207-86-93 Fax: 246-20-20 (для аб. М153) E-mail: Lrc@comtv.ru Site: <http://www.lrc-press.ru>

ISBN 5-9551-0074-1

9 785955 100746

© В. М. Алпатов, 2005
© Ю. С. Саевич. Оформление серии, 2003
© Языки славянских культур, 2005

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	9
Глава первая. МФЯ и лингвистика XIX в. и начала XX в.	12
I.1. МФЯ и развитие мировой лингвистики до начала XX в.	12
I.1.1. История лингвистики в МФЯ и у других лингвистов	12
I.1.2. МФЯ о причинах формирования «абстрактного объективизма»	17
I.1.3. История «индивидуалистического субъективизма» в МФЯ	25
I.1.4. Философия, философия языка и лингвистика	32
I.2. МФЯ и современная книга советская лингвистика	36
I.2.1. Московская и Петербургская лингвистические школы	36
I.2.2. Авторы МФЯ, их учителя и коллеги	40
I.2.3. Круг Бахтина и Л. П. Якубинский	46
I.2.4. Круг Бахтина и В. В. Виноградов	50
I.2.5. Круг Бахтина и Н. Я. Марр	56
Экскурс 1. Бахтин и Виноградов. Опыт сопоставления личностей	61
Глава вторая. На пути к книге	72
II.1. Лингвистическая проблематика публикаций 1926–1927 гг.	72
II.1.1. Статья «Слово в жизни и слово в поэзии»	72
II.1.2. Вопросы языка в книге «Фрейдизм»	81

II.2. История написания МФЯ	83
II.2.1. Внешние обстоятельства написания книги, два ее компонента	83
II.2.2. «Отчет» Волошинова и МФЯ	85
Экскурс 2. Проблема авторства «спорных текстов»	94
1. Состояние вопроса и его неразрешимость	94
2. Возможная гипотеза о разграничении авторства	110
Экскурс 3. О японских формах вежливости	119
Глава третья. Лингвистическая проблематика МФЯ	125
III.1. Проблемы лингвистической методологии в первой части МФЯ	125
III.1.1. Концепция знака в МФЯ	125
III.1.2. Другие методологические проблемы	134
III.2. Концепция языка, высказывания и речи в МФЯ	137
III.2.1. Poleмика МФЯ с Ф. де Соссюром	137
III.2.2. В чем правы и не правы авторы МФЯ	146
III.2.3. Знак и сигнал	153
III.3. Проблема речевого взаимодействия в МФЯ	156
III.4. Тема, значение и оценка в МФЯ	162
III.5. Теоретические вопросы третьей части МФЯ	167
III.5.1. МФЯ о синтаксисе	167
III.5.2. Чужая речь и ее разновидности	172
III.5.3. Итоговый раздел	178
III.6. Заключительные замечания	182
Глава четвертая. Проблемы марксизма в МФЯ	187
IV.1. Вопросы марксистской лингвистики в СССР 20-х – начала 30-х гг.	187
IV.1.1. Аспекты рассмотрения вопросов марксистской лингвистики	187
IV.1.2. Основоположники и классики марксизма о языке	189
IV.1.3. Марризм	191
IV.1.4. Языкофронтовицы	193
IV.1.5. Поливанов и другие	195
IV.2. Марксизм в МФЯ	201
IV.2.1. Оценки проблемы марксизма в МФЯ в литературе	201
IV.2.2. Марксизм и его отражение в МФЯ	206

Экскурс 4. Марксистская лингвистика в 30–70-е гг.	215
1. Работы И. В. Сталина по языкознанию	215
2. Советские работы после 1950 г.	220
3. Зарубежная марксистская лингвистика и философия языка 30–70-х гг.	225
Глава пятая. После МФЯ	231
V.1. Оценки МФЯ в литературе конца 20-х — 40-х гг.	231
V.2. Последние публикации Волошинова	238
V.3. Переключки идей МФЯ и идей лингвистов 20–40-х гг.	251
V.3.1. Карл Бюлер	251
V.3.2. Алан Гардинер	255
V.3.3. Василий Иванович Абаев	259
V.3.4. Токиэда Мотоки	265
V.3.5. «Эпизод идейной борьбы» в лингвистике	270
Глава шестая. Проблемы лингвистики в работах М. М. Бахтина 30–60-х гг.	274
VI.1. Проблема стратификации языка в работах Бахтина 30-х гг.	274
VI.2. Работы Бахтина 40–60-х гг.	287
VI.2.1. Некоторые замечания к комментариям Л. А. Гюготишвили	288
VI.2.2. «Вопросы стилистики на уроках русского языка в школе»	296
VI.2.3. Подготовительные материалы по речевым жанрам	300
VI.2.4. «Проблема речевых жанров»	310
VI.2.5. «Язык в художественной литературе»	329
VI.2.6. «Язык и речь»	333
VI.2.7. Тексты о тексте	337
VI.2.8. Фрагмент о металингвистике в книге о Достоевском	344
VI.2.9. Последние годы жизни Бахтина	346
Глава седьмая. МФЯ и современная лингвистика	349
VII.1. «Хомскианская революция»	349
VII.2. Теория речевых актов и прагматика	361
VII.3. Современная западная социолингвистика	365
VII.4. Школа языкового существования в Японии	372

VII.5. Современный последователь концепции МФЯ	380
VII.6. Развитие идей авторов МФЯ в современной России	392
VII.7. Подводя итоги	398
Литература	402
Публикации автора книги по бахтинистике	421
Именной указатель	423

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предмет данной книги — рассмотрение лингвистических идей, содержащихся в сочинениях М. М. Бахтина и так называемого круга Бахтина, прежде всего в цикле, изданном под именем друга Бахтина Валентина Николаевича Волошинова.

Бахтинистика уже превратилась в самостоятельную научную дисциплину, выходящую за рамки истории науки в обычном смысле и до некоторой степени приобретающую эзотерический характер. Литература, посвященная сочинениям, принадлежащим или приписываемым Бахтину, неисчерпаема. Михаил Михайлович Бахтин превратился в героя легенд и мифов, а его имя проникает (по крайней мере, на Западе) даже в массовую культуру. Вот примеры, приводимые британской исследовательницей: «Один из персонажей фильма “Дым” (1995; режиссер Вейн Ванг) рассказывает историю о некоем великом русском философе и завязанном курильщике Михаиле Бахтине, который в качестве папиросной бумаги использовал страницы своей рукописи; а книга “Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса” недавно упоминалась в газете “The Guardian” в качестве показательного теоретического эквивалента фильмов “Сатан Он” (примитивно-грубые сериалы)» [Адам 2000: 169–170]. Даже в далекой Бразилии «сложился едва ли не культ М. М. Бахтина» [Васильев 2004: 247].

Я не собираюсь рассматривать труды Бахтина и его круга во всей их полноте. Будучи по профессии лингвистом, я хочу обратиться лишь к той их части, где речь специально идет о проблемах языка. В 20-х гг. это прежде всего так называемый волошиновский цикл, особенно центральная его работа — изданная впервые в 1929 г. книга «Марксизм и философия языка» (далее сокращенно — МФЯ). Я не могу претендовать и на полный охват проблематики даже этих работ, поскольку проблемы, там затрагиваемые, выходят за пределы лингвистики. Я, безусловно, сознаю, что картина при этом получается неполной и односторонней, тем более что Бахтин в первую

очередь считал себя не лингвистом, а философом, а Волошинов, лингвист по образованию, также имел склонность к рассмотрению философских проблем. Однако в существующей литературе по МФЯ и в примыкающих к книге статьях наблюдается, особенно в нашей стране, обратный перекокс: их философская проблематика рассматривается гораздо в большей степени, чем лингвистическая. Если за рубежом уже имеется определенная традиция и лингвистического анализа этих работ, и использования их идей в лингвистике, у нас пока что и то и другое существует в очень ограниченных масштабах. При всей престижности имени Бахтина его наследие и наследие его круга не очень освоено нашими лингвистами; в причинах этого я также постараюсь разобраться. Надо учитывать и то, что Бахтин, уже без всякого участия Волошинова, продолжал обращаться к проблемам языка и в работах 30, 40, 50-х и начала 60-х гг., в большинстве опубликованных лишь в 70–90-е гг. Некоторые из них по проблематике — чисто лингвистические, другие посвящены литературе, но экскурсы в лингвистику и там занимают немалое место. Однако и эти сочинения гораздо лучше изучены философами и литературоведами, чем лингвистами. В книге я постарался рассмотреть в лингвистическом плане и эти сочинения Бахтина с учетом эволюции идей их автора.

Если связь идей Бахтина и круга Бахтина с развитием мировой философии, истоки их философских концепций и влияние на современные философские течения изучены уже достаточно хорошо, то включение МФЯ и других их работ в контекст мировой лингвистики до сих пор проведено лишь в малой степени. Я постарался в своей книге рассмотреть и эти проблемы.

Книга состоит из семи глав; «боковые» проблемы, выходящие за рамки ее основной проблематики, но как-то с ней связанные, выделены в экскурсы. Первая глава дает краткую характеристику развития мировой лингвистики к моменту появления МФЯ, в ней рассмотрены лингвистические истоки концепции МФЯ и примыкающих работ волошиновского цикла, анализируется отношение авторов этого цикла к своим предшественникам и современникам. К главе примыкает экскурс о М. М. Бахтине и В. В. Виноградове. Во второй главе речь идет о том, как авторы МФЯ подходили к своей главной книге по вопросам языка, рассмотрены их более ранние публикации, прежде всего статья «Слово в жизни и слово в поэзии», выявляются по сохранившимся свидетельствам история написания МФЯ (где многое до сих пор не может быть восстановлено). К главе примыкают два

экскурса. Один экскурс посвящен проблеме, очень активно дебатированной уже более четверти века, — проблеме авторства МФЯ и других текстов волошиновского цикла. Я не считаю эту проблему первостепенной, поэтому все, что относится к ней, вынесено в экскурс и не затрагивается в остальной части книги. Скажу лишь, что до конца эта проблема не решается из-за отсутствия документальной основы, и мне кажется более разумным исходить из признания двойного авторства спорных текстов. Везде будет говориться об их авторах во множественном числе. Второй экскурс посвящен частной проблеме, затронутой в «Слове в жизни и слове в поэзии», — проблеме форм вежливости японского языка. Третья глава — центральная в книге, она специально посвящена идеям МФЯ, имеющим отношение к лингвистике. В четвертой главе отдельно рассматриваются проблемы марксизма в МФЯ в связи с предпринимавшимися у нас в 20-е гг. и в начале 30-х гг. попытками построения марксистской лингвистики; к главе примыкает экскурс о дальнейшей судьбе марксистской лингвистики. Пятая глава посвящена событиям, происшедшим после появления МФЯ: анализируются последние по времени написания тексты волошиновского цикла, рассмотрены отзывы на МФЯ в литературе того времени, идеи МФЯ сопоставляются с идеями некоторых ученых 30—40-х гг. В шестой главе рассматриваются лингвистические проблемы поздних работ Бахтина, начиная от «Слова в романе», написанного в 30-е гг., и кончая фрагментом о металингвистике во втором варианте книги о Достоевском, относящемся к началу 60-х гг. Наконец, в седьмой главе делается попытка сопоставить идеи трудов, рассмотренных в книге, с лингвистикой последних десятилетий.

По проблематике данной книги ее автор с 1995 г. уже публиковал ряд статей. В конце книги приводится их список. Однако представляется, что следует попытаться обобщить их проблематику в рамках единой монографии. Ранее публиковавшиеся статьи при включении в текст книги подверглись переработке, иногда значительной.

Автор приносит искреннюю благодарность Н. А. Панькову, своей активностью и настойчивостью во многом стимулировавшему работу над книгой в разных ее вариантах.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

МФЯ И ЛИНГВИСТИКА XIX в. И НАЧАЛА XX в.

Вопрос о философских источниках МФЯ, о параллелях между МФЯ и современными в книге философскими течениями достаточно разработан в бахтинистике, см. особенно [Махлин 1993; Махлин 1998]. Однако МФЯ — все-таки книга по теории языка. Поэтому нужно рассмотреть и отношение книги к различным течениям мировой и отечественной науки о языке, выяснить ее место в истории этой науки. А эта проблема до сих пор как следует не изучена. С ее рассмотрения мы и начнем свой рассказ.

I.1. МФЯ и развитие мировой лингвистики до начала XX в.

I.1.1. *История лингвистики в МФЯ и у других лингвистов*

Как известно, МФЯ — во многом историографическое сочинение. Значительную часть книги занимает анализ лингвистических и философских работ, посвященных теории языка или некоторым более конкретным вопросам языка. Это — во второй части книги целиком первая глава и во многом вторая и третья главы, а в третьей части вторая и третья главы. Как мне представляется, именно эти разделы, особенно во второй части, принадлежат к наиболее интересным в книге.

История лингвистики XIX в. и начала XX в. рассматривалась в то время многими. Представляется, что многое в концепции МФЯ может быть прояснено, если мы сопоставим ее трактовку в МФЯ и у других авторов.

Точки зрения на этот счет могли быть различными. Однако наиболее влиятельной с 20-х гг. была идея о том, что после посмертного издания в 1916 г. «Курса общей лингвистики» Фердинанда де Соссюра наука о языке вошла в новый этап своего развития, что «новая» лингвистика принципиально отличается от «старой», господствовав-

шей в XIX в. Такое понимание истории лингвистики остается (при разных оценках смены парадигм) преобладающим по сей день. У нас уже в 20-е гг. эту точку зрения четко высказывала Р. О. Шор, о взглядах которой речь еще будет идти. Образцом данного подхода могут служить две статьи, которые именно в качестве представительных текстов такого рода включены в известную хрестоматию по истории лингвистики В. А. Звегинцева.

Обе статьи относятся к несколько более позднему времени, чем МФЯ: статья датского лингвиста Виго Брэндаля появилась в 1939 г., а статья чешского лингвиста Вилема Матезиуса написана в начале 40-х гг. и издана в 1947 г. (посмертно). Авторы статей жили в разных странах и относились к разным направлениям внутри структурализма, но к истории науки о языке относились сходным образом.

В. Брэндаль противопоставляет новую, структурную лингвистику прежней, позитивистской, рассматриваемой как единое целое. Два направления, как показано у В. Брэндаля, различны по методологическим основам и несовместимы друг с другом. Под позитивистской лингвистикой в первую очередь понимается «сравнительная грамматика — детище XIX века» [Брэндаль 1960: 40], в основном в ее позднем, младограмматическом виде, поскольку именно от младограмматизма отталкивались Ф. де Соссюр и другие основатели структурализма. Старая наука исторична, новая в основном занимается синхронией; старая интересовалась фактами, новая — структурами; старая устанавливает законы, новая строит модели; старая основывалась на индукции, новая — на дедукции; старая трактовала изменения в языке как эволюционные, новая учитывает скачки из одного состояния в другое.

Подход В. Матезиуса сходен, однако он «старую» науку рассматривает более дифференцированно. Там, по его мнению, существовали два направления и «две различные теоретические и методические точки зрения» [Матезиус 1960: 87]. «Одним из таких взглядов был исторический и генетический», идущий от Ф. Боппа через А. Шлейхера к младограмматизму, составляющему «высший этап в развитии этого направления» [Матезиус 1960: 87]. Второе, «аналитическое» направление В. Матезиус связал с именами В. фон Гумбольдта и его последователей — Х. Штейнталя и Ф. Н. Финка. Главной особенностью подхода Гумбольдта, по мнению Матезиуса, было то, что «его целью было стремление углубить общие принципы лингвистического исследования. Именно поэтому он мало интересовался историческим развитием языка, а сравнивал различные языки с чисто ана-

литической точки зрения, не обращая внимания на их генетическое родство» [Матезиус 1960: 88–89]. Эта черта его концепции оценивается положительно, но «идеи аналитического направления могли бы стать плодотворными в развитии языкознания, если бы их авторы смогли ясно и чисто лингвистическим способом сформулировать последние и на базе их создать точные исследовательские приемы. Этого не случилось» [Матезиус 1960: 89]. Науке прошлого века противопоставляется современная структурная лингвистика; ее основателем, наряду с Ф. де Соссюром, признается (в меньшей степени) и И. А. Бодуэн де Куртенэ.

Отметим еще два общих свойства подходов датского и чешского лингвистов. Оба считают началом научной лингвистики начало XIX в., игнорируя все то, что было раньше. Оба исходят из того, что современная лингвистика — исключительно продукт XX в.

А теперь обратимся к концепции МФЯ. Она выделяет в истории мировой лингвистики два основных направления, именуемые «абстрактным объективизмом» и «индивидуалистическим субъективизмом». Все, что есть в науке о языке, — либо одно, либо другое, либо их сочетание. Это противопоставление проходит через всю вторую часть книги и сохраняется в третьей части. Такая концепция совсем не похожа на концепцию В. Брэндаля, но на первый взгляд ближе к концепции В. Матезиуса, «аналитическое» направление которого по своему составу близко к «индивидуалистическому субъективизму» МФЯ.

В обоих случаях направление лингвистики возводится к В. фон Гумбольдту, а среди его представителей назван Х. Штейнталь. Однако для Матезиуса «аналитическое» направление уже в прошлом, последний из упомянутых его представителей — Ф. Н. Финк, умерший в 1910 г. Но МФЯ доводит «индивидуалистический субъективизм» до современности. К нему отнесены К. Фосслер, его ученик Л. Шпитцер, а также Б. Кроче [Волошинов 1995: 262–265] (далее в ссылках на это издание будут приводиться лишь номера страниц). А все эти ученые в 1929 г. были живы и активно работали (кстати, живы они были и в годы, когда писали свои статьи В. Брэндаль и В. Матезиус, но те проигнорировали их существование). Более того, согласно МФЯ «школа Фосслера... бесспорно является одним из могущественнейших направлений современной философско-лингвистической мысли» (262). Конечно, к концу 30-х — началу 40-х гг. эта школа, еще существовавшая, уже стала не столь влиятельна, поэтому было больше оснований ее не замечать.

Но главное — даже не это, а критерии выделения существенных признаков направления. Вот как в МФЯ определяются основные черты «индивидуалистического субъективизма»:

- 1) *язык есть деятельность, непрерывный творческий процесс создания (ἐνεργεῖα), осуществляемый индивидуальными речевыми актами;*
- 2) *законы языкового творчества суть индивидуально-психологические законы;*
- 3) *творчество языка – осмысленное творчество, аналогичное художественному;*
- 4) *язык как готовый продукт (ἔργον), как устойчивая система языка (словарь, грамматика, фонетика) является как бы омертвевшим отложением, застывшей лавой языкового творчества, абстрактно конструируемый лингвистикой в целях практического научения языку как готовому орудию (260–261).*

Как будет показано ниже, не все из этих черт восходят к В. фон Гумбольдту. В основных чертах здесь воспроизводится концепция К. Фосслера. Но к Гумбольдту восходит важнейшее противопоставление *energeia* — *ergon*, понимание языка как деятельности. Это совсем не то, что интересно у великого немецкого ученого для В. Матезиуса. Последний писал: «Мысль о том, что анализировать язык означает анализировать деятельность (*energeia*), а не результат деятельности (*ergon*), хотя и помогла ему понять значение функции в языке, но вместе с тем принуждала его слишком высоко оценивать психологическую точку зрения» [Матезиус 1960: 89]. Эта мысль у Матезиуса, как и у других структуралистов, не получила развития. Как сказано выше, интересен для него Гумбольдт прежде всего как основатель сопоставительного изучения языков вне зависимости от их родства, то есть как основатель типологии. Именно поэтому, надо думать, он упоминает Штейнтала и Финка и игнорирует Фосслера и Кроче: первые занимались типологией, а последние — нет.

Другое же направление, выделенное в МФЯ, «абстрактный объективизм», не укладывается в схемы В. Брёндаля и В. Матезиуса. С одной стороны, к нему отнесена вся «новая» лингвистика, начиная от Ф. де Соссюра, а также и И. А. Бодуэн де Куртенэ. Но с другой стороны, «корни направления нужно искать в рационализме XVII и XVIII вв. Эти корни уходят в картезианскую почву» (271). Данные идеи «свое первое и очень отчетливое выражение... получили у Лейбница в его концепции универсальной грамматики» (271). Формулировка об этих идеях как «рожденных на французской почве» (272) заставляет вспомнить не только о «картезианской почве», но и о том, что